

Первое впечатление — самое важное.

Мо Лян принёс Павильону Южных Ветров огромную прибыль, став легендой своего времени.

Долгое время любимой присказкой управляющего Чая было: «Только топор тупой, а дров, которые нельзя расколоть, не бывает. Мо Лян уже заработал столько, а вы всё ещё не стараетесь?»

Однако тем вечером управляющий Чай сказал следующее:

— Мо Лян, по старым правилам, все чаевые, что дают щедрые покровители, нужно сдавать.

Серебряный слиток, оставленный Цзи Ханем в качестве чаевых, тоже не мог принадлежать Мо Ляну.

Всё было точь-в-точь как в борделях из телевизионных сериалов: управляющий регулярно устраивал обыски в комнатах, а содержанцев давно уже обчищали до нитки. Разумеется, чтобы подстегнуть рвение содержанцев, управляющий выдавал денежные награды в зависимости от заработка — кто больше заработал, тот больше и получал, а такие звезды первой величины, как Тань Юнь, жили припеваючи.

— Выдать тебе в этот раз двадцать лянов в качестве награды вовсе не много, но прошлые долги за лекарства, еду, одежду и прочую мелочь покрыть всё равно не хватает. Этот слиток я считаю выданной тебе из собственного кармана премией, только никому не говори, чтобы не сеять смуту.

Управляющий Чай выглядел на редкость великодушным.

Мо Лян молча забрал серебряный слиток.

Правила есть правила, и пока у тебя нет сил их нарушить, приходится подчиняться.

Быть содержанцем без единого клиента — верная смерть от голода, поэтому Мо Лян попросился на подсобные работы на кухню. Услышав это, управляющий Чай расплылся в улыбке:

— Айя, отличная идея, каждый должен быть использован с толком. Каждый день перед обедом будешь колоть дрова и растапливать печь на кухне, а после обеда — возвращаться в павильон, как раз в это время начинает собираться больше всего гостей.

Главный повар кухни, Горбун Лю, с огромным трудом заполучил помощника: колка дров, носка воды, полив огорода... Он гонял Мо Ляна в хвост и в гриву, пока тот буквально не валился с ног от усталости.

Работа превратилась в две, а платы — ни гроша.

Мо Ляна чуть не стошнило кровью.

После подсобных работ приходилось снова идти в содержанцы, и клиентов по-прежнему не было, однако Мо Лян давно разработал хитроумный план: он вставал рядом с самыми непопулярными и обделенными вниманием содержанцами. Мо Лян был некрасив, и на его фоне любой другой содержанец казался изящным и благородным, из-за чего вероятность выбрать именно его резко взлетала вверх. В итоге несколько других содержанцев страстно полюбили сбиваться в кучу вместе с Мо Ляном.

Одного из них звали Шань Цяо. Шань Цяо тоже было двадцать лет, лицом он вышел заурядно, брови домиком, вечно скорбное выражение лица. В Павильоне Южных Ветров он пробыл уже целых десять лет и знал обо всем на свете. С тех пор как он начал держаться рядом с Мо Ляном, его показатели взлетели вверх на несколько порядков, и Шань Цяо радостно заявлял, что Мо Лян — его бог богатства.

Шань Цяо был большим любителем поболтать и охотно затягивал Мо Ляна в разговор.

Мо Ляна уже давно терзал один вопрос: управляющий Чай вечно твердил, что купил новичков, но где же они все прячутся?

Шань Цяо загадочно пояснил:

— Знаешь, как дрессируют орлов? Дикие орлы, которых только что поймали, отличаются гордым нравом, их нужно ломать, дрессировать, несколько дней не давать спать, пока эта дикость не испарится, а уж потом потихоньку обучать охотничьим навыкам. С содержанцами то же самое: разве кто-то рождается содержанцем? Чем выдающейся человек, тем он горше, тем сильнее противится тому, чтобы стать чужой игрушкой. У каждого дела свои мастера, вот этих новичков сейчас и ломают, дрессируют.

Неужели это касается каждого? Выходит, он сам тоже попался на эту удочку? Лицо Мо Ляна резко изменилось.

Шань Цяо изумился:

— Хоть с тобой и подписали контракт содержанца, управляющий Чай покупал тебя всё-таки для черной работы. Неудивительно, что ты забыл: когда ты только пришел, у тебя вовсю полыхал жар, ты бредил и был сам не свой, кашлял без остановки, прямо как чахоточный — все шарахались. Иначе с чего бы тебя закинули в Северный флигель? Еле-еле пришел в себя, да так неудачно, что как раз столкнулся с той тварью — Одноглазым Скорпионом, который выбирал содержанца. Попался ему на глаза и чуть не сдох от побоев.

Позже произошло переселение его души в это тело. Оно было слишком слабым для тяжелой работы, и его бросили прозябать содержанцем без единого клиента.

Вот и вся предыстория от начала до конца.

Случайности любят собираться вместе. Возвращаясь в Северный флигель, Мо Лян увидел, как несколько незнакомых слуг волокут какого-то человека и бросают под деревом во дворе. Тот, кто выглядел среди них главным, пробасил:

— Ах ты ублюдок! Тебя в любом случае продали, черным по белому написано, куда ни беги — не сбежишь! Подумаешь, содержанцем быть! Смирись уже, и с этого момента любая еда и питье — на твой выбор! Стоило ли упрямиться? Погляди, как тебя отделал глава зала Сян, оно того стоило? Из-за тебя еще и нам досталось!

Главой зала Сян звали того самого человека, который занимался дрессировкой и ломкой содержанцев.

Человек на земле лежал бесформенной кучей и не отвечал.

Мо Лян остановился. Главарь хлопнул в ладоши и бросил Мо Ляну:

— Эй, подойди-ка. Это новенький содержанец, не желает подчиняться правилам, посидит тут пару дней, ты уж не лезь не в свое дело! — С этими словами он удалился восвояси.

На новом содержанце одежда висела лохмотьями, сквозь прорехи виднелись синяки и кровоподтеки, хотя открытых ран или следов крови не было — в конце концов, у содержанца испорченная внешность стоила денег. Мо Лян бросил один взгляд и сразу понял: от такого не умирают, более того, сознание у него останется кристально ясным, и он прочувствует каждую капельку боли сполна.

Это и была та самая дрессировка орлов.

Дикого орла ломали так, чтобы приручить, а не забить до смерти.

Мо Лян окинул его взглядом, и глаза его внезапно вспыхнули: этот дикий орел уродился хорош собой, даже потрепанный вид не мог скрыть его природную породу. На вид ему не было и двадцати, черты лица безупречны — соболиные брови, прямой нос, губы идеальной полноты.

В этот самый момент дикий орел открыл глаза и посмотрел на Мо Ляна.

Этот убийственный взгляд, эта убийственная внешность, ни с того ни с сего излучавшие дикий, непокорный нрав — вот она, истинная гордость дикого орла, перед которой всякие там Тань Юни выглядели жалкими дворовыми утками. Нечего и говорить, что со временем, облачившись в роскошные одежды, он сможет заставить умолкнуть весь зал целиком. Неудивительно, что его так жестко ломают: этот дикий орел от природы не был покорным ни лицом, ни характером!

Это был поистине редчайший экземпляр среди содержанцев!

В Павильоне Южных Ветров поколение за поколением сменялись содержанцы самого разного толка, неудивительно, что бизнес процветал и у гостей было всё, чего душа ни пожелает. Уважение Мо Ляна к управляющему Чаю поднялось на новую высоту, и он обошел парня стороной, оставляя редкого содержанца наедине с пронизывающей до костей болью.

Тем же вечером, в начале зимы, заморосил дождь. Тонкое одеяло едва прикрывало грудь, оставляя ноги открытыми, и Мо Лян сжался в комочек.

Под утро стук в дверь разорвал тягостную тишину.

Мо Лян зажег светильник и выглянул наружу: ну конечно, дикий орел лежал пластом на земле, одна нога его мокла под дождем. Свет был тусклым, лица не разглядеть, но кожа казалась мертвенно-бледной, лишенной всякой крови. Раз уж тут вовсю занимались дрессировкой орлов, Мо Лян не собирался лезть не в свое дело и с грохотом захлопнул дверь.

Больше стук не повторялся.

Немного погодя Мо Лян замерз окончательно, встал с постели и отправился во внутренний двор колоть дрова, чтобы размять кости и как следует согреться. Расколов целую охапку дров под высоко поднявшимся солнцем, он с охапкой пошел к кухне и как раз вовремя застал того самого главаря, который яростно пинал лежащего на земле парня:

— Ты, эй! Какого черта ты позволил ему забраться в комнату?

Моя вина, что ли? Он сам туда залез, а я всего лишь подсобник-содержанец, в мои обязанности дрессировка орлов не входит.

Мо Лян с бесстрастным лицом прошел мимо, а за спиной посчастливилось услышать звуки избиений.

Не каждый орел становится ловчей птицей: те, кого не удавалось сломать, погибали, и лишь выдержавшие испытание считались годными. О тех, кто предпочитал умереть, но не сдаться, и говорить нечего; если же говорить о тех, кто прошел через это, разве хоть кто-то из них с самого начала соглашался добровольно? Кто бы позволил кому-то ломать собственную прямую спину живьем?

И всё же охотники, способные поймать орла, безжалостны и холоднокровны, в них нет ни капли сочувствия, и если птица не поддавалась дрессировке, они предпочли бы уничтожить её, но у них и в мыслях не было отпустить дикого орла обратно в небо. Дрессировка орлов, дрессировка содержанцев, дрессировка наемных убийц — везде действовал один и тот же закон. В свое время Мо Ляну исполнилось семь, когда его избили до полусмерти, но он отказывался убивать, а потом... В общем, он стал хладнокровным убийцей. Кто-то говорит, что

убийцы бессердечны, но эти люди просто рассуждают со стороны, не ведая тягот. Убийца, вздумай он страдать манией помогать людям, расстанется с жизнью в ту же минуту; лишь сохраняя полное равнодушие ко всему на свете — убил, получил деньги, ушел — можно протянуть подольше.

Мо Лян был чистокровным убийцей, и он умел только убивать.

А убийце без оружия никак нельзя.

Кинжал, который он отдал на замену несколько дней назад, был уже готов. Он действительно получился невероятно тонким и острым — лезвие перерубало волос на лету. Кузнец восторженно заявлял, что это самая изящная и острая вещь, которую он выковал за всю свою жизнь. Мо Лян забрал работу, но обронил, что клинок можно истончить еще вдвое. Услышав это, кузнец едва не взлетел на воздух — такой тонкий клинок он ковал затаив дыхание, а сделать его еще тоньше было просто безумием.

Мо Лян достал и положил на стол серебряный слиток.

Кузнец остолбенел, потирая свалывшиеся кусты бороды:

— Эт... это от того молодого господина Цзи? Щедр донельзя! Я тут сболтнул лишнего: мол, заглядывая в павильон, не забывай платить Мо Ляну за правила, ха, с паршивой овцы хоть шерсти клок, не можешь же ты просто так вмиг исчезнуть, верно? Ну, говори, что еще выковать?

Так вот зачем Цзи Хай всучил ему в конце серебро, корни вон где зарыты. Мо Лян произнес:

— Вот эти две вещи, выкуй строго по размерам и чертежам на бумаге.

Наручный клинок и швейцарский армейский нож.

Детальные схемы разрезов и проекций были прорисованы с абсолютной точностью. Мо Лян не сомневался: раз кузнец сумел создать столь искусный кинжал, с этим он тоже справится. Кузнец рассматривал рисунки, то и дело цокая языком, и не удержался от вопросов о том, для чего вообще годится этакая штукovina:

— Ты часом не художник в прошлом? Наручный клинок нарисован точь-в-точь как настоящий!

— Рисовал пару лет карандашом.

— Карандашом?

Мо Лян не стал продолжать. В ту пору, отслеживая цель, он внедрился в художественную студию. Преподаватель принял его за ученика, лично ставил ему руку, показывая, как держать кисть, и объяснял, что теневую сторону яблока нельзя закрашивать сплошным черным цветом, а на участке, примыкающем к столу, обязательно нужно оставить чуть светлого блеска. Тогда

он был совсем юн, и это мягкое прикосновение чужой руки вызвало у него минутное помутнение рассудка, из-за которого на обратном пути он скупил целую корзину карандашей и целыми днями срисовывал всё подряд.

Раньше это было лишь способом убить время, а теперь превратилось в полезный навык.

Стоило им закончить обсуждение ножа, как в кузницу влетел слуга и торопливо выпалил:

— Кандалы и пыточные иглы, что заказывал наш господин Скорпион, готовы?

На лице кузнеца промелькнуло омерзение, он вытащил из угла ножные кандалы, железные цепи и швырнул их на стол. Мо Лян бросил беглый взгляд: кандалы оказались очень тонкими, совсем не похожими на те, что надевают на обычных преступников, да и кучка тонких игл тоже мало напоминала швейные. Когда слуга удалился, кузнец замахал руками, словно отгоняя нечисть:

— Всяких людей земля носит, глянь только на пакости, которые творит этот Одноглазый Скорпион, горе всякому, кто угодит к нему в лапы!

Одноглазый Скорпион? Имя резануло слух.

Мо Лян тут же вспомнил: разве это не тот самый человек, из-за которого его прежнее тело пролежало пластом целых пять дней? Его можно было считать злейшим врагом. Все те вещи, что забрал слуга, судя по всему, и были орудиями пыток Одноглазого Скорпиона. Новые орудия пыток — всё равно что обновки: получив их на руки, непременно захочется испытать их в деле.

Кому же из содержанцев не повезет этой ночью?

<http://bllate.org/book/23974/2748949>